

КРИМИНАЛЬНЫЕ И СУДЕБНЫЕ ИСТОРИИ

АНАТОЛИЙ

КОНИ

ПОЧЕМУ ОПРАВДАЛИ
ДЕВУШКУ-«ТЕРРОРИСТКУ»?

ДЕЛО

ВЕРЫ ЗАСУЛИЧ

— Вера! Что вы наделали!
— Я спасла Россию

Оскар Уайльд
«Вера, или нигилисты»

Криминальные и судебные истории

Анатолий Кони

**Почему оправдали
девушку-«террористку»?
Дело Веры Засулич**

«Алисторус»

УДК 327
ББК 66.4

Кони А. Ф.

Почему оправдали девушку-«террористку»? Дело Веры Засулич
/ А. Ф. Кони — «Алисторус», — (Криминальные и судебные
истории)

ISBN 978-5-00180-339-3

5 февраля 1878 года Вера Засулич пришла на приём к петербургскому градоначальнику Трепову и тяжело ранила его двумя выстрелами из револьвера в живот. Ей грозило от 15 до 20 лет тюремного заключения, но суд присяжных полностью ее оправдал. На оправдательный вердикт присяжных повлияла, в том числе, и позиция председателя суда Анатолия Кони, который после этого попал в длительную опалу. «Оправдание Засулич происходило как будто в каком-то ужасном кошмарном сне, никто не мог понять, как могло состояться в зале суда самодержавной империи такое страшное глумление над государственными высшими слугами и столь наглое торжество крамолы». Князь Владимир Мещерский «Она была по внешности чистокровная нигилистка, грязная, нечесаная, ходила вечно оборванкой, в истерзанных башмаках, а то и вовсе босиком. Но душа у неё была золотая, чистая и светлая, на редкость искренняя» Народоволец Лев Тихомиров

УДК 327

ББК 66.4

ISBN 978-5-00180-339-3

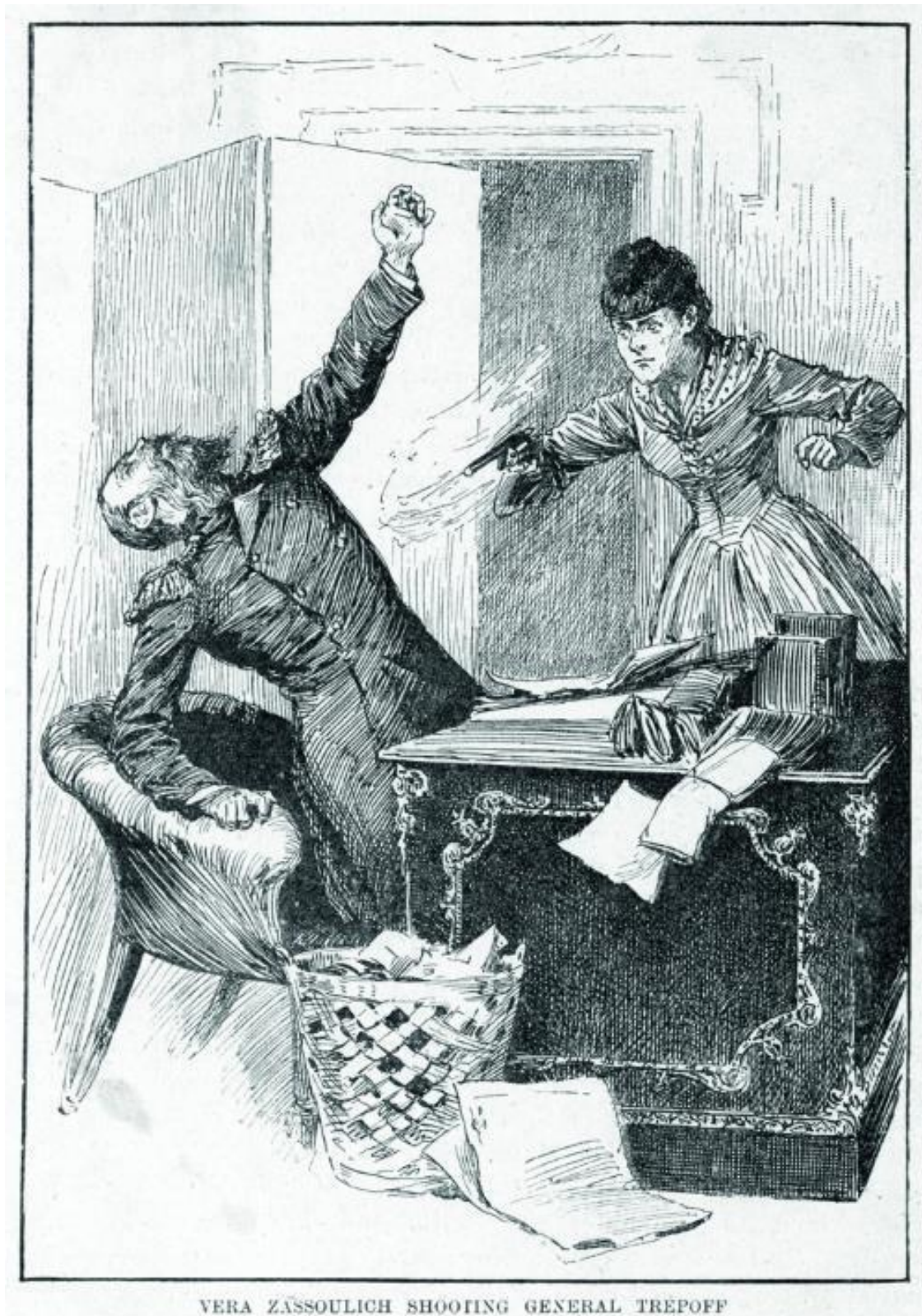
© Кони А. Ф.

© Алисторус

Содержание

Воспоминания о Вере Засулич	7
Из воспоминаний о покушении на Трепова	12
Нечаевское дело[1]	12
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Анатолий Кони Почему оправдали девушку-«террористку»? Дело Веры Засулич

© ООО «Издательство Родина», 2022

Воспоминания о Вере Засулич В. Вересаев

В июле 1877 года, по приказанию петербургского полицмейстера генерала Трепова, был высечен в тюрьме политический заключенный, студент Боголюбов. 24 января 1878 года молодая девушка Вера Засулич явилась к Трепову в качестве просительницы и в тот момент, когда он принимал от нее бумагу, выстрелила в него из револьвера и ранила. Затем бросила револьвер и спокойно дала себя арестовать. На допросе она заявила, что стреляла в Трепова за Бого-

любова, что лично Боголюбова не знает, а мстила Трепову за издевательство над политическими заключенными. Решено было судить Веру Засулич судом присяжных. Министр юстиции граф Пален ручался царю за обвинительный приговор. Однако фактическим обвиняемым на суде оказался, вместо Веры Засулич, генерал Трепов. Присяжные вынесли Вере Засулич оправдательный приговор, встреченный общими рукоплесканиями. По приказанию председателя Засулич была освобождена. На улице, при выходе из здания суда, ее ждали жандармы и хотели арестовать. Но толпа вступила с жандармами в свалку и отбила девушку. Она успела сесть в приготовленную карету и скрыться. Через некоторое время ей удалось бежать в Швейцарию. Дело Веры Засулич вызвало огромную сенсацию и прославило ее на весь мир.

За границу Вера Ивановна прожила более двадцати лет. С зарождением русского марксизма она всею душою примкнула к этому течению и вошла в группу «Освобождение труда», во главе которой стояли Плеханов и Павел Аксельрод. После 1905 года Засулич получила возможность возвратиться в Россию и уже безвыездно прожила в ней до самой смерти.

Однако приезжала она однажды в Россию и раньше, до своего легального возвращения. Было это зимою 1899–1900 г. Целью ее поездки было установить непосредственную связь с работавшими в России социал-демократами, лично ознакомиться с их настроениями и взглядами и выяснить им позицию группы «Освобождение труда» в возникших за границей конфликтах. Жила она, конечно, по подложному паспорту, и только несколько человек во всем Петербурге знали, кто она. В это время я с нею и познакомился.

Невысокая седенькая старушка, небрежно причесанная, кое-как одетая, с нервно подергивающеюся головою, постоянно с папироскою во рту. Говорила она быстро, слегка как будто захлебываясь. Но улыбка у нее была чудесная – мягкая, застенчивая и словно извиняющаяся. Она была умна, образованна и остроумна, спорила искусно, возражения ее были метки и сильны. Но высказывала она их с этою милою своею улыбкою, словно извинялась перед противникам, что вот как ей это ни тяжело, а не может она с ним согласиться и должна ему возражать.

Скромна она была необычайно, к всемирной известности своей относилась с усмешкою: мало ли в семидесятых годах было террористических покушений, мало ли было революционеров, действовавших гораздо искуснее и смелее ее, – а имена их никому почти не известны. Своею же славою она обязана чистейшему случаю, – что царскому правительству вздумалось применить к ней «народный суд» и попытаться показать Европе, что сам русский народ и общество относятся отрицательно к кучке баламутов-революционеров.

До известной степени Вера Ивановна была права: конечно, если бы ее судили обычным негласным судом, имя ее было бы известно только людям, специально интересующимся историей русской революции. И все-таки мало я видел людей, которые бы так скромно и даже неохотно несли выпавшую на их долю известность. Слава иногда портит и уродует даже самую хорошую душу. Когда все кругом потихоньку указывают друг другу на знаменитого человека, когда почтительно прислушиваются к каждому его слову, гордятся и хвалятся знакомством с ним, то очень много нужно душевной силы, чтобы не стать суетным, тщеславным и нетерпимым. Вот в чем нисколько не была грешна Вера Ивановна. Она была так застенчиво-скромна, так всегда старалась держаться в тени что иногда с нею случались довольно-таки курьезные недоразумения.

Мы, петербургские литераторы-марксисты, группировались тогда в кружок, собиравшийся обыкновенно у А. М. Калмыковой, известной деятельницы по народному образованию.

Был, между прочим, в нашем кружке один молодой критик и публицист – человек талантливый, с самостоятельной мыслью, с интересными переживаниями. Но была у него одна очень неприятная черта: он умел быть внимательным, чутким собеседником с лицами, которые его интересовали. Но с людьми, ему неинтересными, он держался не то чтобы высокомерно или небрежно, – а просто они для него совершенно не существовали, были пустотою, которой он

даже не замечал. В то время его особенно интересовал вопрос о различии морали старого народничества и нового народившегося марксизма. Характерною чертою народничества, как течения чисто интеллигентского, он считал «болезнь совести», особенностью социал-демократизма – «болезнь чести»: старый народник-интеллигент шел в революцию вследствие поруганной совести – нужно бороться за страдающий и угнетенный народ. Новый революционер, рабочий, идет в революцию вследствие поруганной чести: такие же люди, как все, мы не хотим больше страдать и терпеть угнетение. На эту тему приятель наш вел в то время журнальную полемику с Н. К. Михайловским. На эту же любимую свою тему заговорил он и в нашем кружке при Вере Ивановне. Говорил он много и с одушевлением. Вера Ивановна несколько раз пыталась ему возражать, но он только сверкнет пренебрежительно своим пенсне на скромную старушку в углу, неохотно протянет:

– Да-а, пожалуй!

И, даже не удостоив выслушать ее, продолжает говорить сам или слушать возражения противников, которые его интересовали. И Вера Ивановна сконфуженно умолкала.

Прошло с год. Однажды, беседа на ту же тему, он говорит мне:

– Знаете, с кем бы мне всего интереснее было поговорить об этом? С Верой Засулич, Вы помните, как ее описывает Степняк-Кравчинский в «Подпольной России»? И такой человек, с чисто народнической душою, стал социал-демократом! Правда, интересно бы с нею поговорить? Ей-богу, готов бы за границу поехать, только чтоб с нею побеседовать.

Я лукаво говорю:

– Вы с нею беседовали год назад. И как раз на эту тему. Только не пожелали ее слушать.

– В чем соль вашей шутки? Не понимаю.

Вера Ивановна давно уже уехала за границу, конспирировать было нечего. Я напомнил приятелю о скромной старушке в уголке на одном из наших прошлогодних собраний.

– Это была Вера Засулич.

Он вскочил.

– Да нет! Да неужели же! Я припоминаю, в уголке сидела какая-то серая старушонка. Я про нее спросил Калмыкову, она сказала, что это ее родственница из провинции. Ах ты, досада! В одной комнате с нею просидел целый вечер!..

После революции 1905 года Вера Ивановна получила возможность легально воротиться в Россию. Она поселилась в Петербурге. Сотрудничала в социал-демократических журналах и газетах, много переводила, но, сколько мне известно, активно в партии уже не работала.

В Тульской губернии у близких моих родственников было небольшое имение. Молодежь этой семьи деятельно работала в революции, сыновья и дочери то и дело либо сидели в тюрьмах, либо пребывали в ссылке, либо скрывались за границей, либо высылались в родное гнездо под гласный надзор полиции. Однажды летом к одной из дочерей приехала туда погостить Вера Ивановна. Место очень ей понравилось, и она решила тут поселиться. Ей отвели клочок земли на хуторе, отстоявшем за полторы версты от усадьбы.

В убогой своей избушке она писала и переводила. Способ работы у нее был ужасный. Когда Вера Ивановна писала, она по целым дням ничего не ела и только непрерывно пила крепчайший черный кофе. И так иногда по пять-шесть дней. На нервную ее организацию и на большое сердце такой способ работы действовал самым разрушительным образом. В жизни она была удивительно непривередлива. Сварит себе в горшочке гречневой каши и ест ее несколько дней. Одевалась она очень небрежно, причесывалась кое-как.

Раз идет по тропинке через зреющую рожь крестьянская баба. Вдруг ей навстречу простоволосая растрепанная старуха с трясущею головою, с торчащим изо рта зубом. Настоящая баба-яга. Женщина шархнула в рожь

— Мать честная!.. Да воскреснет бог!..

Но душа этой неказистой на вид старухи была удивительно изящная и тонкая. То сравнительно немного, что она написала, написано изящно и умно, переводы ее очень хороши. Вера Ивановна чувствовала красоту во всем. Но особенно она любила ее и чувствовала в русской природе. На своем небольшом клочке земли она развела садик и с утра до вечера копалась в нем. Никогда в жизни не видел я такого оригинального садика. Там было мало обычных садовых цветов — всех этих левкоев, настурций, резеды. Но очень много было цветов полевых и лесных. Понравится ей цветок где-нибудь на меже около ржи, на луговом откосе или в лесной ложинке под кустом орешника, — Вера Ивановна бережно выкапывает его и пересаживает к себе в садик. И здесь, на хорошей земле, при тщательном уходе, цветок развивался так пышно, что нельзя было его и сравнивать с братьями его, жившими на воле. Она очень этим гордилась. Однажды она мне сказала:

— Вот так и с людьми. Дать им подходящие условия, поставить в нужную обстановку, — и как они могут быть прекрасны!

Из воспоминаний о покушении на Трепова В. Засулич

Нечаевское дело¹

I

Каракозовское дело, конечно, займет в истории нашего движения гораздо более скромное место, чем нечаевское. Его подробная история, быть может, станет известной не раньше, как документы III отделения подвергнутся разработке².

Это был заговор дело, тайное не для полиции только, но и для окружающих его более мирных элементов, на которых старались действовать члены общества. Ишутин уговорил их в таком роде: наступит великий час, мы люди, обреченные; этот час называл прекрасной Фелициной. Судя по рассказам о нем, это был тип революционера, умевший разжигать настроение слушателей представлением о чем-то великом и таинственном. Как кружок, это общество существовало с 63 г.; члены его обучали в школе, имели 2 ассоциации и сообща устроенное³ общежитие⁴. Во всяком случае, к осени 65 года это были уже заговорщики: члены принимались

---

¹ Статья «Нечаевское дело» впервые была опубликована Л. Г. Дейчем во II томе сборн. «Группа Освобождение Труда», М. 1924 г. В предисловии своем Л. Г. Дейч пишет: «Записки эти были начаты ею, вероятно, еще зимой 1883 г., когда мы, члены незадолго перед тем возникшей группы „Освобождение Труда“, решили прочитать в Женеве ряд рефератов о нашем революционном движении. В виду робости Веры Ивановны, друзья ее – Плеханов, Степняк и я – долго уговаривали ее рассказать на собрании о нечаевском деле, по которому, как известно, она привлекалась. Согласившись, наконец, она набросала конспект, но, когда наступила ее очередь выступить с докладом, она до того растерялась, что не в состоянии была произнести ни слова, и собравшиеся разошлись, ничего от нее не услышав». Затем, спустя много лет, Вера Ивановна, повидимому, задалась целью переделать оставшиеся у нее наброски этого не произнесенного реферата в статью, вероятно, для какого-нибудь возникшего в России во второй половине 90-х гг. легального марксистского журнала: на это указывает ее стремление придать этим запискам характер объективного изложения, без всякого упоминания о ее личном участии в нечаевском деле. Повидимому, для того, чтобы цензура не могла догадаться, кто автор, Вера Ивановна не называет даже своих сестер, также привлекавшихся по этому делу. Что записки эти она предназначала для печати, видно также из тщательно переписанной ею первой части и из сделанного ею на одном листе подсчета количества заключающихся на нем букв с припиской: «из моих двух стр. выходит одна печатная». Л. Г. Дейч сообщает далее, что рукопись статьи сохранилась в двух вариантах: «Имеются полный текст и с большими изменениями переписанный на белом второй экземпляр второй части, но с некоторыми существенными пропусками из первого. Я помещаю второй вариант, дополнив его всем тем, что Верой Ивановной было опущено из черновой тетради».

² В. И. Засулич была осведомлена относительно каракозовского дела его непосредственными участниками. Еще в Москве она познакомилась с рядом лиц, привлекавшихся – по этому делу. По переезде В. И. в августе 1868 г. в Петербург, она, повидимому, через Людмилу Колачевскую и Моткову, также переселившихся из Москвы в Петербург, познакомилась с судившимся по каракозовскому делу Варлаамом Черкезовым.

³ Зачеркнуто: «вероятно, задолго до катастрофы».

⁴ Ишутинский кружок возник в Москве и к концу 1865 г. сложился в тайное общество, принявшее название «Организация». Осенью 1864 г. им была открыта школа, просуществовавшая до лета 1865 г. Учителями в ней были члены кружка. Школа была рассчитана на 20–25 учеников из беднейшего населения. Помимо преподаваний в школе, члены кружка ставили задачей революционизирование учеников. Кружок ишутинцев организовал две мастерские, основанные на артельных началах: переплетную и швейную; в них работали члены кружка и их знакомые. – Ишутин и его ближайшие товарищи по кружку одно время жили совместно на одной квартире в доме Ипатовых, вследствие чего их называли «ипатовцами». О любви Ишутина к таинственности и мистификациям говорят очень многие из членов его кружка. Они передают, что Ишутин старался выдавать себя за агента какой-то таинственной революционной силы, выдумывал несуществующие тайные общества, говорил о запасах оружия, яко бы предназначенного на революционные цели и т. п. Товарищи Ишутина по организации объясняли его склонность к мистификациям присущей ему жаждой деятельности и желанием вовлечь других в революционное движение: своими таинственными рассказами он старался убедить их в существовании могущественной революционной организации и побудить их примкнуть к ней.

с клятвами, и в их среде успел уже даже образоваться раскол⁵, более крайние составляли, так сказать, общество в обществе под названием «Ад»⁶. Целью его было, вернее шла в нем речь, об избиении царской фамилии, при чем крайние стояли за предварительную агитацию, пропаганду. Оно приговорило 17 чел. После выстрела Каракозова полиция напала на след этого заговора.

Система, как вести себя на следствии, в то время не могла даже и начать еще вырабатываться, люди, как видно, по большей части считали нужным на каждый вопрос следователей давать более или менее правдоподобный ответ, лживый, конечно, кроме нескольких предателей, – нашлись и предатели. Начались очные ставки, уличения во лжи, давались новые объяснения: запутались даже такие люди, как сами Худяков, Ишутин; и понемногу все члены без исключения были открыты⁷: нелегальность тогда изобретена не была, дожидаясь ареста, спокойно оставались на своем месте; все были переловлены и посланы в Сибирь.

С тех пор о каракозовцах не было слышно: никто из них не выплыл в позднейшем движении, а они только и могли бы подробно рассказать о своем деле⁸.

В последнее время появились воспоминания Худякова⁹, но там подробно рассказано следствие, поскольку оно касалось... самого Худякова, о московском тайном обществе, из которого вышел Каракозов, его он едва касается. Он говорит, что это были люди энергичные, талантливые, выработанные, но все они скоро были изловлены и отправлены в Сибирь; на свободе были оставлены только люди, оказавшиеся, после подробнейшего рассмотрения самой муравьевской комиссии¹⁰, вполне невинными, а, следовательно, уже действительно невинные. Опыта, традиции внести в новое движение они не могли, а также не могли составить ядра, вокруг которого группировались бы новые элементы.

«Что делать» Чернышевского продолжало перечитываться молодежью, но самый доступный легко исполнимый из явившихся прежде вопросов на поставленный в заголовке романа вопрос – заводить ассоциации – уже не удовлетворял. В предыдущий период ассоциации, по большей части швейные, росли, как грибы, но большая часть из них вскоре распадалась, а некоторые кончались третейскими судами, ссорами. Заводились они по большей части женщинами, настолько состоятельными, чтобы купить: швейную машинку, нанять квартиру, нанять

⁵ В рядах «Организации» происходила борьба двух направлений. Левое крыло возглавлялось самим Ишутиним. Он и его сторонники ставили задачей «Организации» подготовку восстания в целях экономического переворота. Более умеренное крыло, во главе которого стояли Мотков, высказывалось за подготовку переворота при помощи постепенной пропаганды в народе, распространения соответствующей литературы, устройства школ, ассоциаций и т. п.

⁶ В начале 1866 г. у Ишутина и его товарищей зародилась мысль о создании в рядах «Организации» замкнутого кружка под названием «Ад», в который допускались бы самые надежные люди и который принял бы на себя негласный верховный надзор за деятельностью «Организации». Одновременно с этим начал дебатироваться вопрос о необходимости царевбийства.

⁷ Почти все привлеченные по Каракозовскому делу держались на следствии малодушно, спешили выразить раскаяние в своих действиях и давали откровенные показания. Наиболее твердо держался Худяков, но и он не выдержал и дал показания, которые уличали его ближайшего друга и сотрудника Никольского.

⁸ Мемуарная литература, оставленная каракозовцами, более чем скудна. Наибольшее значение имеет «Автобиография» Худякова. Кратко останавливаются на каракозовском деле Л. Е. Оболенский в своих «Литературных воспоминаниях и характеристиках» («Исторический Вестник», 1902 г. № 1–4), Ф. А. Борисов в автобиографии, опубликованной в № 4 «Каторги и Ссылки» за 1929 г., и П. Ф. Николаев в записке об отношении каракозовцев к Чернышевскому, составленной им по просьбе В. Е. Чехихина-Ветринского (опубликован в книге последнего, «Н. Г. Чернышевский», П., 1923 г., стр. 176–179). После того же Николаева и В. Н. Шаганова остались воспоминания о Чернышевском, с которым они встретились на каторге, П. Николаев. «Личные воспоминания о пребывании Н. Г. Чернышевского на каторге», М. 1906 г.; В. Н. Шаганов. «Н. Г. Чернышевский на каторге и в ссылке», СПб. 1907 г.) Кроме того сохранились не законченные и пока еще неопубликованные воспоминания В. А. Черкезова и неопубликованная краткая автобиография П. Николаева.

⁹ «Опыт автобиографии» И. А. Худякова был напечатан в 1882 г. в Женеве, в Вольной Русской типографии. В 1930 г. перепечатан под заглавием «Записки каракозовца».

¹⁰ «Муравьевская комиссия» – высочайше учрежденная в 1862 г. следственная комиссия, которая вела расследование дела о покушении Каракозова. Председателем ее в 1866 г. был назначен крайний реакционер-крепостник М. Н. Муравьев, прославившийся кровавой расправой с польскими повстанцами 1863 г. в Литве. В связи с каракозовским делом, по распоряжению Муравьева, было арестовано много людей, не имевших в действительности никакого отношения к этому делу.

на первый месяц, пока не будут разъяснены им принципы ассоциации, двух или трех опытных модисток. В члены набирались частью нигилистки, не умеющие шить, на горячо желавшие «делать», частью швей, желавшие только иметь заработок. В первый месяц сгоряча все шили очень усердно, но более месяца шить по 8 – 10 час. в день ради одной пропаганды примером принципа ассоциации, к тому же без привычки к ручному труду, мало у кого хватало терпения. Шить начинали все меньше и меньше¹¹. Мастерницы негодовали и сами начинали небрежно относиться к работе; заказы убывали. Лучшие работницы скоро покидали мастерскую, так как приходившиеся на их долю части дохода оказывались меньше жалованья, которое они получали от хозяина, несмотря на то, что основательницы по большей части отказывались от своей доли. Иногда дело кончалось тем, что мастерницы забирали себе машины и основательниц выгоняли из мастерской. Устраивались третейские суды. «Сами же постоянно твердили, что машина принадлежит труду», – защищалась бойкая мастерница перед таким судом, на котором мне случилось присутствовать. «А уж какой а них был труд, как есть никакого; только, бывало, разговоры разговаривают!» Суд не признал, однако, мастерницу олицетворением «труда» и присудил машинку возвратить.

Также плохо шли и переплетные мастерские, хотя там менее сложный и не требующий долгой предварительной подготовки труд был более приспособлен к ассоциации.

В 69 году затишье, наступившее вслед за каракозовщиной, еще продолжалось во всей силе. Из людей 60-х годов иные сошли со сцены, другие куда-то попрятались, и¹² зеленой молодежи, подъезжавшей из провинции после погрома, не было к ним доступа. Она оставалась совершенно одна; ей предстояло отыскивать дорогу собственными силами. Каракозовщина не оставила ядра, около которого она могла бы группироваться¹³. Я говорю, конечно, о среднем уровне молодежи, затронутой разыгравшимся зимою 68–69 годов в Петербурге прологом нечестивого дела. Такая изолированность молодежи, отсутствие пропаганды в ее среде, отсутствие соприкосновения с людьми сложившегося миросозерцания, могущими помочь¹⁴ в разрешении вопроса: «что делать?», – приводило ищущую дела молодежь в тоскливое, тревожное состояние.

Те надежды, с которыми ехала она в Петербург, оказывались обманутыми. Начало 60-х годов облекло столицы, а в особенности Петербург, в самый яркий ореол. Издали, из провинции, он представлялся лабораторией идей, центром жизни, движения, деятельности. В провинции между семинаристами и гимназистами седьмого класса, между студентами провинциальных университетов образовывались маленькие группы юнцов, решившихся посвятить себя «делу», как тогда многие выражались вкратце, или даже просто – «революции». А за выяснением, что это за «дело», что за «революция», начинали рваться в Петербург: там все узнаем, там-то выяснится. Дорвавшись, наконец¹⁵, преодолевши иногда для этого, при крайней бедности большинства¹⁶, величайшие затруднения, они являлись в Питер иногда целой группой, человек в 5–6, и начинали всюду толкаться, знакомиться, расспрашивать, но, натываясь везде, куда они могли проникнуть, на ту же шаткость и неопределенность понятий, на те же нерешенные вопросы, на «ерунду», от которой бежали из провинции, они скоро впадали в уныние, тревожное состояние. Но, после яркого, насильственно задавленного движения начала 60-х гг., чувствовалась просто потребность в каком-нибудь проявлении движения, так что, напри-

¹¹ Зачеркнуто: «К тому же и швей».

¹² Зачеркнуто: «По меньшей мере».

¹³ Это сообщение В. И. Засулич не вполне точно. Некоторые из привлекавшихся по каракозовскому делу, по отбытии тюремного заключения, организовали в Петербурге кружок-коммуну, известный под названием «Оморгокая академия». К этому кружку принадлежали каракозовцы Сергиевский, Воскресенский, Полумордвинов и Черкезов.

¹⁴ Зачеркнуто: «Ответить».

¹⁵ Зачеркнуто «До Питера».

¹⁶ Зачеркнуто: «Из них».

мер, фразы: «Хоть бы студенческое движение что ли было!» можно было слышать еще летом, Прежде чем студенты съехались.

II

Не знаю, кому первому пришла идея затеять студенческие волнения, вероятно, многим сразу¹⁷ в таких-то кружках, о которых я только что говорила, в особенности являвшихся в Петербург на второй год и уже успевших разочароваться в нем, идея студенческих волнений должна была встретить живейшее сочувствие. Конечно, это не «дело», не работа для «блага народа», не «революция», но хоть, «что-нибудь», какая-нибудь «жизнь». Уже в начале¹⁸ осени 1868 года¹⁹ во многих студенческих кружках можно было слышать, что²⁰ к рождеству непременно будут студенческие волнения, что будут требовать касс и сходок. Кассам то, собственно, несмотря на крайнюю бедность, придавалось лишь второстепенное значение: добьемся их – хорошо, но если не добьемся – тоже хорошо; сходки привлекательны сами по себе.

Они, действительно, сами по себе, независимо от цели, должны были удовлетворить реальную действительную потребность в движении, в общественной жизни. Некоторые инициатору движения на сходки возлагали и другие, более определенные, надежды: на них ознакомятся между собою лучшие люди из молодежи, образуется и сплотится кружок из наиболее определившихся людей, выдвигнутся и выработаются способные деятели²¹.

Всю осень шла агитация, и в декабре, действительно, начались сходки²². Собирались эти сходки на частных квартирах, всегда на разных. Иной раз²³, какая-нибудь зажиточная семья предоставляла по знакомству в распоряжение²⁴ инициатора сходки свою залу, в которую и набивалось битком 2–3 сотни студентов. Иногда собирались и на студенческих квартирах, и тогда сходка разбивалась на две-три группы по числу комнат, так как в одной всем уместиться было невозможно. Всем приходилось, конечно, стоять, и теснота бывала обыкновенно страшная. На Рождестве сходки особенно участились²⁵. Собирались студенты из университета и из²⁶ технологического института, но самый большой процент составляли медики²⁷. На сходки ходило также человек 10–15 женщин; женских курсов в то время не было, приходили просто женщины, сочувствовавшие движению студентов²⁸.

На самых больших и удачных сходках ораторы обыкновенно влезали поочередно на стул и оттуда произносили свои речи, вертевшиеся на первых порах на необходимости для студен-

---

¹⁷ Зачеркнуто: «но несомненно, что».

¹⁸ Зачеркнуто: «сент.».

¹⁹ Зачеркнуто: «как только собрались студенты».

²⁰ Зачеркнуто: «в этом году».

²¹ Зачеркнуто: «личности».

²² Большое впечатление на студенческую массу произвел проникший в Россию осенью 1868 г. № 1 журнала «Народное Дело», изданный в Женеве при ближайшем участии М. А. Бакунина. Обращаясь к русской молодежи с призывом отдать свои силы на освобождение народа, Бакунин указывал на бесплодность мирных средств и на невозможность улучшения участи трудящихся путем культурно-просветительной работы. «Путь освобождения народа посредством науки, – писал он, – для нас загражден; нам остается поэтому только один путь, – путь революции».

²³ Зачеркнуто: «иные либеральные барыни».

²⁴ Зачеркнуто: «студентов».

²⁵ Зачеркнуто: «И каждые 2–3 – 4 дня где-нибудь да назначались сходки».

²⁶ Зачеркнуто: «Медицинской».

²⁷ «Медикам» – в Петербурге того времени называли студентов Медико-хирургической академии.

²⁸ Факт посещения студенческих сходок женщинами отмечает в своих воспоминаниях и С. Л. Чудновский, перечисляя некоторых из них: Дементьеву (впоследствии жена П. Н. Ткачева), полковницу Томилову, привлекавшуюся по нечаевскому делу, сестру нечаевца Святскую, сестру Нечаева Анну Геннадиевну и др. (См. упомянутые выше воспоминания С. Л. Чудновского. «Былое», 1907, IX, стр. 285). Посещала эти сходки и сама В. И. Засулич.

тов иметь кассы и право сходок. Никакое бюро при этом не выбиралось, а раздачей голосов заведовала группа инициаторов, достававшая также квартиры, оповещавшая о месте сходок и т. п.

В числе этих инициаторов²⁹ был и Нечаев. Во всеуслышание он говорил редко; на стуле почти не появлялся³⁰ воля его чувствовалась всеми. Он заботился о достаточном количестве ораторов, в которых, в начале особенно, чувствовался недостаток. С личностями, чем-нибудь выдвинувшимися, отличившимися, тотчас же знакомился, уводил к себе в Сергиевское училище, где он занимал место учителя, и сговаривался, о чем говорить в следующий раз³¹.

Никакой тайны из этих сходок не делали, наоборот, на них старались заташить всех и каждого. На рождество несколько усердных пареньков взяли даже на себя обязанность, переписавши в конторах заведений адреса студентов I и II курса (остальные считались безнадежными, так как из них посетителей сходок не насчитывалось и десятка), Обегать все квартиры и звать всех на сходки. Тем, кого не заставляли дома, оставляли записочки с адресом ближайшей сходки и с несколькими упреками, зачем, мол, не ходит.

Сведения о сходках начали появляться даже в газетах, а в одном фельетоне им было; посвящено одно довольно безграмотное юмористическое – стихотворение, кончавшееся такою любезностью:

«Ах надо, как надо
Для этого стада,
Для стара и млада,
Лозы вертограда».

Полиции сходки тоже были не безызвестны, и на одной, например, многие из входивших слышали:, как два полицейских у ворот пересчитывали посетителей: 91-й, 92-й и т. д. Но пока никого не тревожили.

В начале, когда речь шла о необходимости касс и сходок, никаких возражений не являлось, но как только заговорили о средствах для приобретения этих благ, начались разногласия. Группа инициаторов и часть студентов, склонявшаяся к ее мнению³², высказалась за подачу прошения за подписями возможно большего числа студентов министру народного просвещения (иные высказывались за наследника, некоторые предлагали удовольствоваться на первый раз университетским начальством); если же прошение не будет принято или ответ на него последует неудовлетворительный, необходимо будет устроить демонстрацию, для которой тоже предлагались различные проекты – (от сходок и криков в аудиториях) до шествия толпой ко дворцу.

Противники этих проектов, главным оратором которых явился студент университета Езерский, возражали, что; коллективного прошения, конечно, не примут, за демонстрации же исключат и вышлют, что к тому же, если бы даже подписались под прошением все бывающие на сходках, все же их было, бы крошечное меньшинство, так как³³ студентов в Петербурге несколько тысяч, а на сходки ходят лишь сотни; рассчитывать же на подписи таких студентов, которые боятся прийти, было бы глупо; словом, что таким путем касс и сходок не добьешься.

Сторонники демонстраций, – нечаевцы или «радикалы», как их начали называть в то время не совсем удачное название, только что введенное, приобретшее впоследствии право

---

²⁹ Зачеркнуто: «Скоро всем сделалось известно одно имя, прогремевшее впоследствии на всю Европу».

³⁰ Зачеркнуто: «Тем не менее в организации входил и принимал деятельное участие»

³¹ Зачеркнуто: «На сходке»

³² Зачеркнуто: «Находившаяся более или менее под ее влиянием»

³³ Зачеркнуто: «В трех высших учебных заведениях».

гражданства для обозначения членов революционных кружков), – возражали не столько опровержениями, сколько упреками в трусости, в неискренности, спрашивали: какой же путь могут они предложить с своей стороны для приобретения касс и сходок? Противники отвечали, уклончиво. На общих сходках и те, и другие, видимо, не договаривали до конца. На частных же собраниях, в кругу единомышленников, езеровцы говорили, что кассу можно устроить и без дозволения начальства; если не поднимать о ней большого шума, то на нее, наверное, посмотрят сквозь пальцы; сходки же можно заменить литературными, музыкальными и т. п. собраниями. И большинство, видимо, склонялось на сторону Егерского.

Нечаевцы же в своих интимных собраниях говорили, что, конечно, демонстрациями касс и сходок не добьешься, да их и не нужно, они только³⁴ развратили бы молодежь, облегчив, ее положение, но что демонстрации нужны для возбуждения духа протеста среди молодежи.

С самым близкими, доверенными людьми Нечаев шел еще дальше и рисовал приблизительно такой план: за демонстрациями, конечно, последуют высылки на родину. Они отзовутся в других университетах, и оттуда тоже по высылают лучших студентов. Таким образом, к весне по провинциям рассыплется целая масса людей недовольных, возбужденных и, следовательно, настроенных очень революционно. Их настроение, конечно, сообщится местной молодежи и главным образом семинаристам, а эти последние по своему положению почти ре разнятся от крестьян, и, разъехавшись на вакации по своим родным селам, сольются, сблизятся с протестующими элементами крестьянства и создадут революционную силу, которая объединит народное восстание, момент которого приближается. (Это приближение момента и говорившими и слушавшими принималось за аксиому, не требующую доказательств. Сомнение было бы принято за неуважение к народу: «Ведь он недоволен, обманут, так неужели вы думаете, что так вот он и станет сидеть, сложа руки?»).

Между тем, сходки принимали все более и более бурный характер, и многие из езеровцев уже перестали ходить на них. Становилось очевидным, что в прежнем виде движение продолжаться не может и должно или разрешиться чем-нибудь, или принять иной характер. Собралась еще сходка. В самом начале Нечаев взял слово и заявил, что уже довольно фраз, что все переговори, и тем, кто стоит за протест, кто не трусит за свою шкуру, пора отделиться от остальных; пусть, поэтому, они напишут свои фамилии на листе бумаги, который оказался уже приготовленным на столе.

Группа инициаторов подписалась первая, а за ними бросились подписывать и другие. На листе стоял уже длинный ряд фамилий, когда послышались протесты, что это глупо, бессмысленно, что лист может попасться в руки полиции. Подписи прекратились; послышались даже требования уничтожить лист, но он уже был в кармане Нечаева³⁵.

На следующий день среди знакомых Нечаева разнесся слух, что после сходки его и еще двух студентов призывали к начальнику секретного отделения при полиции, Колышкину, который заявил им, что, если сходки будут продолжаться, они трое убудут арестованы и посажены в крепост. При этом прибавлялось, что Нечаев настаивает, чтобы сходки продолжались, что уступить перед такими угрозами было бы постыдно. Сходку действительно созвали, но после истории с подписями никто из езеровцев на нее не явился; оставшихся же верными насчитывалось не более 40–50 чел.

При таком меньшинстве нечего было и думать, конечно, о демонстрациях, и бедные радикалы добранили вволю езеровцев: «Консерваторы, мол, подлые, трусы этакие» – не знали, о чем и говорить. Первого слова ждали от инициаторов, конечно, и главным образом от Неча-

³⁴ Зачеркнуто: «Удовлетворили».

³⁵ Подписной лист, о котором говорит В. И. Засулич, был озаглавлен: «Подпись лиц, учащих в высших учебных заведениях, протестующих против всех тех условий, в которые они поставлены, и требующих для изменения этих условий право сходок для всех учащих высших учебных заведений вместе. Форма протеста примется по соглашению подписавшихся». Всего на этом подписном листе было собрано 97 подписей.

ева, но он не являлся, а вместо него прибежал его сожитель Аметистов, – адъютант, как шутя называли его некоторые³⁶ а – и объявил, что Нечаев арестован: он рано утром, когда Аметистов еще спал, ушел из дому и с тех пор не возвращался, а перед вечером одна из его знакомых³⁷ получила по городской почте странное письмо³⁸, в котором говорилось: «Идя сегодня по Васильевскому острову, я встретил карету, в которых возят арестантов, из ее окна высунулась рука и выбросила записочку, при чем я: услышал слова: Если вы студент, доставьте по адресу. Я – студент и считаю долгом исполнить просьбу. Уничтожьте мою записку». Подписи не было. В записку была вложена другая на сером клочке бумаги; карандашом было написано рукою Нечаева: «Меня везут в крепость, какую – не знаю. Сообщите об этом товарищам. Надеюсь увидаться с ними, пусть продолжают наше дело».

III

Арест произвел сильное впечатление. О Нечаеве взялось хлопотать его училищное начальство: он был на хорошем счету – очень строг с учениками и прекрасно вел дело. Но на вопросы училищного начальства получился ответ, что Нечаев не арестован, что даже распоряжения об его аресте никакого не было. За месяц перед этим Нечаев выписал из Иванова свою сестру, девушку лет 17. Простая, почти безграмотная, она просто обожала брата, гордилась им безмерно, и весть об его аресте приводила ее положительно в отчаяние. Она побывала у всевозможного начальства: в III Отделении, у коменданта крепости, у Колышкина и на своем владимирском наречии просила «дозволить, бога ради, повидаться с братом». Ей всюду отвечали, что в числе арестованных его нету. Это возбуждало ужасное негодование: «Что за варварство – арестовать человека и не только не давать свидания, а даже отрицать, что его арестовали!». Такая таинственность производила сенсацию.

Об аресте Нечаева заговорили повсюду³⁹, пикантность его секретного похищения правительством скоро сделала из него какую-то легендарную личность. Усомниться в аресте никому и в голову не приходило, хотя близко знавшие его люди припоминали, что в последнее время он очень усердно занимался французским языком, несмотря на то, что, казалось бы, в такое горячее время ему было совсем не до пополнения своего образования; он продал также за неделю все свои книги⁴⁰. Но ведь он просто, во-первых, не приобрел бы популярности, да и студенческое движение, по всему вероятно, прекратилось, бы, а теперь была надежда что оно будет продолжаться; быть может, студенты за арест обидятся, и дело дойдет до протеста. Обидеться-то обиделись, но не совсем сильно: поговорили о том, чтобы просить университетское начальство, но оказалось, что Нечаев был записан только вольнослушателем, да и то на лекциях не бывал, так что протест против его ареста не состоялся.

Нечаев тем временем побывал проездом в Москве и, кое с кем познакомившись, проехал на юг, а оттуда морем за границу.

Между тем, сходки нечаевцев продолжались, но под влиянием таинственного ареста приняли другой характер.

³⁶ Евлампий Аметистов действительно был деятельным помощником Нечаева: Он сам писал о себе в записке к одному своему знакомому: «Близок я к Ср. Ген. и в настоящую минуту изображаю из себя „ejus alter ego“» («Красный Архив», т. XIV, стр. 150).

³⁷ Знакомой Нечаева, о которой говорит В. И. Засулич, была она сама.

³⁸ Зачеркнуто: «Конверт с двумя записочками: одна – на сером клочке бумаги, другая – на белой, пером в последней»

³⁹ Зачеркнуто: «таинственность».

⁴⁰ По агентурным сведениям III отделения, Нечаев за несколько времени до исчезновения из Петербурга продал свою мебель и в кругу некоторых знакомых рассказывал, что он намерен отправиться за границу, чтобы заняться в Англии изучением какого то искусства. («Красный Архив», 1926 г., т. XIV, стр. 148).

На них уже не тащили всех и каждого, а если приводили новых лиц, то только коротких знакомых, о которых предупреждали заранее. Ни о кассах и сходках, ни о демонстрациях речей уже⁴¹ не говорилось. Для общих речей с влезанием на стул; и вообще уж не говорили, а рассуждали, разбившись на группы, и только, если в какой-нибудь из групп разговор сильно оживлялся, остальные примолкали и окружали ее. Говорили обо всяких более или менее запрещенных вещах, о предстоящих бунтах. Те, кому случилось быть очевидцем или слышать рассказы о бунтах в своей местности, рассказывали подробности, расспрашивали о каракозовщине, – мало кто знал об ней что-нибудь определенное, – пытались говорить и о социализме, и наивные же то были речи!⁴² Один рыжий юноша, напр., с жаром ораторствует перед группой человек из 10:

– Тогда все будут свободны, – ни над кем никакой не будет власти. Всякий будет брать, сколько ему нужно, и трудиться бескорыстно.

– А, если кто не захочет, как с ним быть? – задаст вопрос один юный скептик.

На нервном лице оратора выражается искреннейшее огорчение. Он задумывается на минуту.

– Мы упросим его, – говорит он, наконец, – мы ему скажем: друг мой, трудись, это так необходимо, мы будем умолять его, и он начнет трудиться.

– Ну, если Ижицкий⁴³ к кому пристанет, так уж он и самого ленивого упросит, – шутят товарищи.

Собирались теперь эти сходки аккуратно раз в неделю на одной и той же большой студенческой квартире на Петербургской стороне. Некоторые сходки начинались чтением какого-нибудь литературного произведения: читали сказки для детей Щедрина, новые стихи Некрасова, Тройку. Стихотворение: «Какое адское коварство, – ироническое обращение автора к бледному господину лет 19, – ты замышлял осуществить? Разрушить думал государство или инспектора побить?» – мы, помню, приняли на свой счет. И, действительно, все как раз подходило, начиная с возраста. Хотя было между нами несколько «стариков», – лет 22–23, но зато было много и 17-летних. Перед этим мы только что, месяца 189, протолковали о своего рода побиении инспектора, т. е. о студенческой демонстрации, а теперь начали понемногу переходить к разговорам о «разрушении» государства⁴⁴.

На одном из собраний было предложено устроить мастерскую, в которой студенты могли бы обучаться; ремеслу. Необходимость этого мотивировалась, между прочим, тем, что перспектива диплома и карьеры развращает студентов. На первом и втором курсах жаждут движения, с радостью бегут на каждую сходку, интересуются общественными делами, а как почувствуют близость диплома, так их уж ни на какую сходку и не затащишь. Потолковавши, решили устроить на первый раз кузницу и сейчас же сделали сбор с присутствовавших; кто внес рубль, кто и больше, и все обязались продолжать эти взносы ежемесячно. Всем очень нравилось иметь свое предприятие. Из неопределенного брожения начинало вырабатываться нечто вроде кружка. Запрещенных тем никаких у нас не было, но было несколько рукописей: «Письма без адреса»⁴⁵, «Письмо Белинского к Гоголю»⁴⁶.

---

⁴¹ Зачеркнуто: «Больше».

⁴² Зачеркнуто: «Вот».

⁴³ В сборнике «Группа Освобождение Труда» напечатано не «Ижицкий», а «Ежицкий», но это – или опечатка, или ошибка В. И. Засулич.

⁴⁴ Далее зачеркнуто: «Некоторые из ходивших на первые из этих преобразованных сходок потом поотстали, но оставшиеся, человек 30, знакомились между собой все ближе и ближе».

⁴⁵ «Письма без адреса», содержавшие в себе резкую и глубокую критику реформы 19 февраля 1861 г. и политики правительства, были написаны Н. Г. Чернышевским в начале 1862 г. и предназначались для напечатания в журнале «Современник», но не были пропущены цензурой. Впервые они были напечатаны в Женеве в 1874 г. М. К. Элпидиным.

⁴⁶ Зачеркнуто: «Перевод из „Organisation du travail“ Луи Блана и еще что-то. Все эти рукописи усердно переписывали с намерением распространять».

Устроить кузницу было предложено технологу Чубарову, 10 лет спустя повешенному в Одессе. Он в это время собирался в Америку и уже взял паспорт, но ради кузницы согласился отложить⁴⁷ свой отъезд. На следующем же собрании было доложено, что кузница устроена и несколько студентов уже постукивают в ней молотками. Так дело шло месяца три.

Между тем в середине марта⁴⁸ от Целаева начали получать письма из-за границы. В первом из них рассказывалось, что «благодаря счастливой случайности» ему «удалось бежать из промерзлых стен Петропавловки»⁴⁹ что он пробрался в Одессу, там снова был арестован, опять бежал и перешел, наконец, границу.

Письма стали приходить одно за другим. «Как только устрою здесь связи – тотчас же вернусь, что бы меня ни ожидало, – писал он. – Вы должны знать, что пока я, жив, не отступлюсь от того, за что взялся... Что же вы-то там теперь руки опустили! Дело горячее... Здесь варится такой суп, что всей Европе не расхлебать. Торопитесь же, други, не откладывайте до завтра, что можно сделать сию минуту».

К одному из писем была приложена прокламация Интернационала на французском языке⁵⁰ с надписью сверху по-русски: «Привет новым товарищам» или что-то в этом роде за подписью Бакунина. С каждым письмом упреки и жалобы на затишье⁵¹ в Петербурге становятся все настойчивее. Но, несмотря на его призывы, никто не находил возможным возвратиться к вопросу о демонстрации, которой он, очевидно, требовал.

Но как будто сама судьба позаботилась исполнить его желание: в апреле, вдруг, совершенно неожиданно и без всякой прямой связи с рождественскими сходками, разразились беспорядки⁵². Началось в университете по какому-то совершенно частному вопросу насчет экзаменов, и одним из инициаторов явился Езерский. Университет закрыли, и тотчас же. начались сходки в академии и технологическом. Нечаевцы подняли на них вопрос о студенческих правах и касса. Ткачев с Дементьевой напечатали воззвание от студентов к обществу, в котором говорилось, что они, студенты, не желают дольше сносить унижительного полицейского гнета и просят защиты у общества. Воззвание было перепечатано некоторыми газетами. А от градоначальника появилось на него возражение, что, мол, ни под каким особым полицейским надзором студенты не находятся, а под таким же, как и все жители Петербурга⁵³. Академию тоже закрыли. Человек сто из всех трех учебных заведений было арестовано и рассажено по частям, а затем 68 выслано на родину⁵⁴.

В числе высланных оказались все посетители сходок на Петербургской стороне вместе с кузнецами. Это произошло на Страстной неделе, а на Фоминой полиция перехватила письмо Нечаева к Томиловой, его знакомой, либеральной вдове полковника, у которой жила его сестра. Томилову, сестру Нечаева, его сожителя Аметистова и еще нескольких личных знакомых Нечаева арестовали, прихватили кстати и братьев и сестер, даже и не выдавших Нечаева⁵⁵. У Томиловой застали одну приехавшую из Москвы девушку Антонову; арестовали ее, а

---

⁴⁷ Зачеркнуто: «На месяц».

⁴⁸ Зачеркнуто: «Ближайшие знакомые».

⁴⁹ Слова, поставленные в кавычки, заимствованы из печатной прокламации Нечаева, озаглавленной студентам университета, академии и технологического института в Петербурге (перепечатана в № 163 «Правительственного Вестника» за 1871 г.). Об аресте в Одессе и бегстве отсюда Нечаев в этой прокламации не упоминал.

⁵⁰ Прокламация эта содержала в себе устав бакунинского Альянса

⁵¹ Зачеркнуто: «На молчанье».

⁵² В. И. Засулич ошибается, относя начало «беспорядков» на апрель 1869 г. В действительности они происходили в марте этого года.

⁵³ Прокламация «К обществу», вышедшая 20 марта 1869 г. и излагавшая требования волновавшихся студентов, была написана П. Н. Ткачевым и отпечатана в типографии, принадлежавшей его жене А. Д. Дементьевой.

⁵⁴ По сведениям III отделения за участие в мартовских студенческих волнениях 1869 г. из Петербурга было выслано 40 студентов университета, 22 медика и 7 технологов.

⁵⁵ В. И. Засулич имеет в виду то самое письмо Нечаева к Томиловой от 7 (19) апреля 1869 г., которое она цитировала выше.

также ее жениха Волховского и ученицу, 14-летнюю девочку Успенскую⁵⁶ и, насобиравши таким образом человек 15–20, посадили их почему-то в Литовский замок (никогда потом подследственных в него не сажали), т. е. на буквальный голод, и оставили там на целый год. Эту Надю Успенскую без смеха никто из Литовского начальства видеть не мог: «ах вы, государственная преступница! наш агитатор!». И, действительно, толстая девочка, на вид даже не 14, а 12 лет, школьничала... под кровать прячется, котенка наряжает. Исхудали все страшно, а Аметистов даже умер там⁵⁷. В Петербурге, с этими апрельскими арестами, связанными с нечаевским делом движение прекратилось.

Действие переходит в Москву.

IV

В конце августа. Нечаев возвратился из-за границы и явился к приказчику книжного магазина Черкезова, П. Г. Успенскому⁵⁸, с которым познакомился под вымышленной фамилией еще зимой проездом из Петербурга за границу. В то время около Успенского и Волховского⁵⁹ существовал целый кружок, вроде сильно распространившихся позднее кружков самообразования. Несколько членов кружка, знавших иностранные языки, распределили между собою главнейшие страны Запада и взялись за их всестороннее изучение. Не знавшие языков изучали Россию. Книжный магазин, бывший к услугам кружка, представлял все удобства для дела. Результаты своих трудов члены излагали потом на собраниях, на которые приглашались и посторонние. Апрельский погром расстроил этот кружок, выхвативши из него несколько членов⁶⁰. Успенский остался цел, но книжный магазин был с тех пор под надзором полиции, и туда то-и-дело являлись шпионы под самыми наглыми предложениями. Опасаясь поэтому поселить своего гостя в магазине, Успенский свел его в Петровскую земледельческую академию к своему знакомому студенту Долгову, что как нельзя лучше послужило тем планам, с которыми Нечаев явился в Россию.

Петровская академия была в то время в исключительном положении, и студентам жилось там неизмеримо лучше, чем в остальных учебных заведениях. Право сходок, которого добились петербуржцы, здесь не имело смысла: половина студентов жила на казенных квартирах в одном здании, остальные размещались в слободке, в нескольких шагах друг от друга; к их услугам был великолепный парк при академии, и сходки, если бы таковые понадобились, могли продолжаться там хоть круглые сутки. У них была общая кухмистерская, общая библиотека, которыми заведовали выборные от студентов, была и касса, считавшаяся, правда, тайной, но спокойно существовавшая, целые годы, насчитывая до 150 членов.

При таких условиях не было, конечно, никакой возможности вызвать чисто студенческие волнения или протесты, но зато, при сплочении студентов и зачатках организации, можно было смело рассчитывать, подчинив своему влиянию несколько выдающихся личностей, повести за собою очень многих. И для этого Нечаев попал в самые лучшие условия – сразу в самый центр академической жизни.

Долгов и его товарищи Иванов, Лунин, Кузнецов, Рипман составляли наиболее выдающийся и влиятельный кружок в академии. Они были на последнем курсе, и им оставалось всего

⁵⁶ Антонова, приехавшая, из Москвы, была арестована на квартире Томиловой, куда она зашла во время обыска.

⁵⁷ В. И. Засулич ошибается. Ни один из братьев Аметистовых в заключении не умер.

⁵⁸ Нечаев приехал в Москву и явился к П. Г. Успенскому в первых числах сентября 1869 г. Успенский предложил Нечаеву поселиться в своей квартире на 1-й Мещанской улице, предоставив в его распоряжение одну из двух комнат в мезонине. Нечаев, по свидетельству А. И. Успенской, пользовался этой комнатой до вторичного отъезда своего за границу.

⁵⁹ В тексте статьи Засулич, напечатанном во 2-м томе сборн. «Группа Освобождение Труда», вместо «Волховского» напечатано «Волховской». Это – явная опечатка.

⁶⁰ В. И. Засулич имеет в виду арест в апреле 1869 г. Ф. В. Волховского и многих членов его кружка.

несколько месяцев до выхода. У них были, как им казалось, выработанные убеждения и определенная цель впереди: окончивши курс, они устроят земледельческую ассоциацию и займутся также народным образованием. Они и теперь уже обучали грамоте всех жителей слободки, изъявлявших к тому какую-нибудь склонность. Лунин выработал даже проект артели странствующих учителей, в которых намеревались превращаться члены ассоциации в свободные от полевых работ месяцы.

Такие ассоциации еще не были испробованы, не потерпели неудачи, да и самые условия, их казались чрезвычайно привлекательными: производительный труд, жизнь в деревне, соприкосновение с настоящим «не испорченным» городской жизнью народом. По этим причинам земледельческие ассоциации составляли любимую мечту всего выдающегося в академии. Тоски, недовольства, незнания за что взяться, которые господствовали среди лучшей из зеленой молодежи Петербурга, здесь не замечалось. Занятия имели смысл, соответствовали мечтам, а потому занимались с увлечением, в особенности практикой, старались развивать в себе физическую силу, которой особенно отличался Иванов.

Нечаев предстал пред этим, кружком облеченный ореолом таинственности. Успенский рекомендовал его под именем Павлова, но сообщил при этом, что он скрывается, что ему грозит опасность. В то время такой человек был необычайным явлением: никто не скрывался; даже предвидя арест, его ожидали; на собственной квартире, – нелегальность изобретена еще не была. Пошли догадки: кто бы это мог быть? – и сразу пали на прогремевшего прошлой зимой Нечаева. Спрашивать, однако, не решались и оставались при одних догадках. В разговорах незнакомец сообщал⁶¹ о вопиющих страданиях и революционном настроении народа и давал понять, что он только что исходил пешком всю Россию. Он много рассказывал о Нечаеве, – какая это была крупная личность и как преждевременно погиб, распространял даже печатный рассказ о том, как его везли в Сибирь и дорогой удушили⁶²; давал читать стихи, сочиненные в честь Нечаева Огаревым, где также упоминалось, что до самой смерти он остался верен борьбе⁶³.

Он поселился у Долгова, потом перешел к Иванову и несказанно поражал своих хозяев неимоверной энергией в труде. Каждый, день после обеда он отправлялся в Москву и возвращался поздно вечером. Потом всю ночь писал что-то, вычислял, просматривал какие-то рукописи и ложился, наконец, только перед утром. После 2–3 часов сна он вставал одновременно с ними и снова принимался за занятия.

Добродушные петровцы, привыкшие после дневных трудов⁶⁴ покататься на лодке, бродить до окрестностям, а потом проспать часов 7–8, были поражены и очарованы. Таинственный незнакомец сделался для них необычайным существом, героем. С первого момента своего появления он сосредоточил на себе все внимание, все разговоры кружка, но сам мало говорил с ними.

Он занялся сперва Успенским, к которому Нечаев явился как знакомый, и на этот раз рекомендовался под настоящей фамилией. Успенский был для Нечаева очень подходящим человеком, – едва ли не единственным из членов будущей московской организации⁶⁵. Он раньше встречи с Нечаевым уже думал, скорее, мечтал о заговорах, о революции. «Я всегда был уверен, что мне предстоит в жизни нечто в этом роде, – писал он своей жене после приговора к 15-летней каторге; – не думал только, чтобы это случилось так скоро и в таких раз-

⁶¹ Зачеркнуто: «Тоном очевидца»

⁶² Рассказ об убийстве Нечаева по дороге в ссылку в Сибирь был напечатан в № 1 «Народной Расправы», который Нечаев привез с собою в Россию.

⁶³ Засулич имеет в виду отпечатанное в виде прокламации стихотворение Н. П. Огарева «Студент» с подзаголовком: «Молодому другу Нечаеву».

⁶⁴ Зачеркнуто: «Погулять».

⁶⁵ Зачеркнуто: «Образованной из всей увлеченной Нечаевым молодежи».

мерах». Он был страстный читатель, не пропускал ни одной книги, чтобы не заглянуть в нее. Перед отправкой в Сибирь он просил жену принести ему какую-то вновь вышедшую книгу. Та почему-то не принесла. «Так я и уеду, не прочтя книги, – писал он ей, – а вдруг на том свете меня спросят: читал ли ты такую-то книгу? Что я на это скажу? Ведь я сгорю со стыда!».

Эта шутка очень характерна для Успенского.

Несмотря на то, что по делам магазина ему приходилось знакомиться с массой людей, тем не менее он был застенчив с чужими и именно от застенчивости держал себя иной раз как-то ложно причудливо⁶⁶. Только перед немногими близкими друзьями он выказывал во всем блеске свой оригинальный ум, насмешливый и вместе склонный к ужасной идеализации. В книгах, в идее революции, – борьба, заговоры уже давно привлекали, его своим величием, поэзией, так сказать. Один из очень немногих членов московской организации, он заранее, еще до встречи с Нечаевым, обрекал себя на участь русского революционера. Но по собственной инициативе, без этой встречи, едва ли он скоро сделался бы заговорщиком; в его натуре не было элементов практического деятеля – ни сильного характера, ни знания людей, ни изворотливости.

С него Нечаев начал, предъявив ему документ, который гласил:

«Податель сего № 2771 есть один из доверенных представителей русского отдела всемирного революционного союза.
Бакунин».

К бумаге была приложена печать с подписью: «Alliance revolutionnaire europeenne. Comite generale». Нечаев объяснил при этом, что «Alliance» принадлежит к Интернационалу и составляет притом самую революционную и влиятельную часть его.

Интернационал был тогда в апогее своей славы: отчеты о его конгрессах печатались даже в русских газетах, и Успенский сильно увлекался им. Затем рекомендация Бакунина, деятельность Нечаева в Петербурге; и его побег, – все это расположило Успенского отнестись к своему гостю с величайшим уважением и безусловным доверием. Заметивши произведенное впечатление, Нечаев сообщил; Успенскому, что прислан в Москву организовать ветвь Великорусского отдела общества «Народной Расправы». Это общество сильно распространено в Петербурге, на юге, по Волге, почти всюду, только Москва отстала. Здесь, правда, давно уже распространяется одна из ветвей общества, но слабо: мешает традиционный консерватизм Москвы, а между тем необходимо придать делу большую энергию, необходимо спешить. Озлобление народа растет не по дням, а по часам. Членам общества, действующим; в среде Народа, приходится употреблять все силы, чтобы сдерживать его и не допускать до отдельных вспышек, которые могли бы помешать успеху общего восстания. Восстания следует ожидать в феврале 1870 года⁶⁷. К этому сроку народ ждет окончательной настоящей воли и, обманувшись в своих ожиданиях, конечно, восстанет. В народе действуют и могут действовать только люди, вышедшие из его среды, но много дела, и чрезвычайно важного, предстоит также всем честным личностям из привилегированных классов. Они должны действовать на центры и парализовать энергию правительства в момент народного восстания. Для этого им необходимо сплотиться и быть наготове. Подготавливать, убеждать людей – дело совершенно бесполезное, напрасная потеря времени. Их следует втягивать, в организацию такими, каковы есть, и брать с них то, что можно.

---

⁶⁶ Зачеркнуто: «Неестественно».

⁶⁷ По положениям. 19 февраля 1861 г. был установлен девятилетний срок, в течение которого крестьяне были обязаны удерживать в своем пользовании, без права отказа, отведенную им мирскую землю за установленные повинности в пользу помещика. По истечении этого срока, т. е. с 19 февраля 1870 г., крестьяне получали право выбора: или отказаться от такого обязательного пользования и возратить землю помещику, или сохранить в своем пользовании землю, продолжая нести установленные повинности.

Предсказанию всеобщего восстания непременно в феврале, 1870 года Успенский особого значения не придавал, но всем фактическим сообщениям Нечаева доверял безусловно⁶⁸ и об отсутствии обширного заговора узнал уже только под арестом. Грандиозная картина увлекала его сразу, и после двух-трех разговоров он стал сообщником Нечаева⁶⁹: получил на хранение привезенные из-за границы прокламации, разные рукописи и печать «Народной Расправы» с изображением топора и с надписью «19-е февраля, 1870 года». Ее предполагалось прикладывать к бланкам, на которых будущим членам общества предстояло полунать приказы «Комитета».

Уладивши с Успенским, Нечаев принялся, за Долгова и Иванова. Он расспросил их, — каждого в отдельности, — об их планах и намерениях. Те тотчас же рассказали ему о своей земледельческой ассоциации и народном образовании. Нетрудно было Нечаеву показать неосновательность таких планов: раз правительство узнает о существовании какой-нибудь ассоциации, оно закрывает ее, и нельзя же пахать землю тайно, а народным образованием людям, побывавшим в высших учебных заведениях, заниматься, запрещено. Что могли петровцы возразить на это? «А может быть, реакция и ослабеет?» «Может быть, правительство не станет преследовать земледельческих ассоциаций?» Нечаев осмеивал такие наивности и доказывал, что заводить ассоциации мыслимо, только опираясь на сильную организацию, которая всегда сумеет защитить своих членов. Такая организация существует, и им следует вступить в нее, но народное восстание так близко, что осуществлять свои планы им придется уже в обновленной России.

На вопросы Долгова и Иванова: откуда почерпает Павлов свою уверенность в близости народного восстания, тот отвечал, что может сослаться на людей из народа, принадлежащих к организации, а также на свои собственные наблюдения. Он сам до 17 лет был простым работников, а в настроении народных масс людям из народа открыто то, что незаметно для членов привилегированных сословий.

Затем шли сообщения о громадности организации «Народной Расправы» и об обязательности; для Иванова и Долита присоединиться к ней, раз они стоят за благо народа и не желают быть зачисленными в ряды его врагов.

V

В то время слова «сын народа», «вышедший из народа» внушали совсем иначе, чем теперь; в таком человеке, в силу одного его происхождения, готовы были допустить, всевозможные свойства и качества, уже заранее относились к нему с некоторым почтением. «Сыны народа» были еще тогда большой редкостью. В сколько-нибудь значительном количестве кре-

⁶⁸ Рассказывая о своих переговорах с Нечаевым по приезде его в Москву, Успенский говорил на суде: «У нас начались споры и переговоры, которых я не буду приводить в подробности, так как они слишком длинны, я укажу только на ту разницу воззрений, которая существовала между мною и Нечаевым: я предпочитал путь мирного развития народа посредством распространения грамотности, через учреждение школ, ассоциаций и других подобных учреждений, а он, напротив, считал революцию единственным исходом из настоящего положения». Отвечая на вопрос, почему же он, несмотря на это, вступил в тайное общество, Успенский ответил, что этому способствовали известные ему случаи преследования правительством невинных людей. «Я могу назвать 100–150 моих знакомых, или сосланных на каторгу и на поселение, или высланных административным порядком»... «Последние административные меры сделали то, что ни я, никто из моих знакомых не могли считать себя безопасными и гарантированными от преследований, хотя и не считали себя заслуживающими такого преследования». На него действовал также арест ни к чему не причастной его сестры, 15-летней девушки, и заключение ее в Петропавловскую крепость. («Правительственный Вестник», 1871 г. № 158).

⁶⁹ Успенская А. И. в замечаниях своих на статью В. И. Засулич писала: «Петр Гаврилович Успенский не потому присоединился к Нечаеву, что видел в нем одного из уцелевших членов разбитой (изловленной) организации, подобно карбонариям, а потому, что видел в нем безгранично, фанатически преданного народным интересам человека». Это замечание, опубликованное Л. Г. Дейчем в сборнике «Группа Освобождение Труда» (т. II, стр. 71), объясняется недоразумением: Нечаев говорил Успенскому не о разбитой, а, наоборот, чрезвычайно могущественной организации.

стьяне и мещане по происхождению стали появляться в среднеучебных заведениях только после реформы. В 1869 году еще очень немногие окончили образование, и от них готовы были ожидать и нового слова, и всяких подвигов. Да и самый народ представлялся в то время в неизмеримо более мифическом свете, чем впоследствии. С тех пор изучение общины, раскола, всевозможные исследования, народного быта в нашей литературе, все семидесятые годы, наконец, со своим хождением в народ постольку ознакомили с ним нашу интеллигенцию, что у нее сложилось теперь объективное, фактическое представление о народе, независимое от субъективных пожеланий и идеалов отдельных личностей. Но тогда, при отсутствии фактических данных, под внешнюю форму пахущего землю существа в сером кафтане и лаптях можно было подкладывать какое угодно внутреннее содержание. И не только можно, – для известной части интеллигенции это было неизбежно. Неведомый крестьянин играл слишком важную роль во внутреннем мире юноши [для грядущего «дела». От свойств и качеств этого крестьянина зависело все содержание сто дальнейшей жизни. Поэтому оставаться при одном голом незнании для такого юноши было немыслимо. Ему волей-неволей приходилось строить, так сказать, гипотезы; о крестьянине, и строил он их, конечно, сообразуясь с тем идеалом человека, какой у него сложился. Для одного – это был прирожденный революционер, ежеминутно готовый схватиться за топор; для других – он обладал альтруизмом, справедливостью и маэ-топ иных мирных добродетелей.

Таковыми именно юношами были и Долгов с Ивановым. Их представление о крестьянине не⁷⁰ совпадало с сообщениями Нечаева, но ведь он зато сын народа: ему лучше знать разыгранное воображение, и одна гипотеза легко заменилась другой.

Поверить на слово в существование несуществующего громадного заговора в то время тоже было много легче, чем впоследствии. С каракозовского дела прошло всего три года. Члены петровского кружка были уже в то время в академии (Кузнецову в 69 году было 23 года, Долгову и Иванову по 22), а ведь не знали же они о существовании общества, пока его члены не были арестованы. Нет ничего невероятного, что и общество «Народной Расправы» давно существует и распространяется, – только они то в первый раз наткнулись на его члена. Сперва Долгов, потом Иванов согласились поступить в общество и свели Нечаева со своими ближайшими друзьями, Кузнецовым и Рипманом (Лунин был в отсутствии). Уже заранее очарованные и подготовленные рассказами о Павлове, они тоже с первого же разговора дали свое согласие⁷¹. Это, впрочем, было правилом Нечаева: сделавшим решительное предложение, добиваться окончательного согласия, по возможности, в один разговор, как бы длинен он ни был. Если человек колеблется, просит подумать – из него, наверное, не будет толку.

– Он Павлов так ловко ставит вопрос, что, отказавшись, пришлось бы назвать себя подлецом, – говорил Кузнецов про Нечаева.

Заручившись поочередно их согласием, Нечаев созвал их 20 сентября всех вместе и прочел им следующие общие правила организации⁷²:

«1) Строй организации основывается на доверии к личности. 2) Организатор (член общества) намечает пять-шесть лиц, с которыми переговорив одиночно и заручившись их согласием, собирает их вместе и составляет замкнутый кружок. 3) Вся сумма связей и весь ход дела есть секрет для всех, кроме членов центрального кружка, куда организатор представляет

⁷⁰ Зачеркнуто: «совсем»

⁷¹ Кузнецов на суде рассказывал, что первоначально на предложение Нечаева вступить в тайное общество он дал отрицательный ответ, ссылаясь на то, что не может быть ему полезен, так как ведет замкнутую жизнь. Тогда Нечаев просил хоть чем нибудь помогать обществу, указывая, что этим Кузнецов гарантирует свою личную безопасность во время восстания. Кузнецов согласился оказывать обществу денежную поддержку. («Правител. Вестник», 1871 г. № 150).

⁷² «Общие правила организации» были составлены самим Нечаевым. Текст их приведен В. И. Засулич не дословно, а с значительными изменениями, не отражающимися, впрочем, на смысле «правил». Точный текст «правил» можно найти в книге В. Богучарского «Государственные преступления в России в XIX в.», т. 1 СПб, 1906 г., стр. 182.

отчет. 4) Труды членов специализируется по знанию местности, среды и т. д. 5) Каждый член немедленно составляет вокруг себя второстепенный⁷³ кружок, к которому становится в положение организатора. 6) Не должно действовать непосредственно на тех, на кого можно действовать посредством других. 7) Общий принцип организации, – не убеждать, т. е. не вырабатывать, а сплачивать те силы, которые уже есть налицо, – исключает всякие прения, не имеющие отношения к реальной цели. 8) Устраняются всякие вопросы членов организатору, не имеющие целью дело кружков подчиненных. 9) Полная откровенность членов к организатору лежит в основе успешности дела».

По прочтении этих «правил» кружок считался основанным, и каждому из его членов назначены номера по порядку их приглашения: Долгов назывался № 1, Иванов 2-м, Кузнецов 3-м, Рипман 4-м. «Фамилии же ваши для организации не существуют», – заявил Нечаев. Кружок должен собираться раза два в неделю, и члены обязаны сообщать на этих собраниях о ходе своих занятий, а № 1 должен составлять протокол всего, о чем говорится на собрании, и передавать его Павлову, являющемуся по отношению к кружку представителем всей организации.

На следующем же собрании Иванов и Кузнецов заявили, что уже составили вокруг себя по полному кружку, – каждый из пяти лиц. Правила приема членов они целиком нарушили, и вместо того, чтобы переговаривать с каждым отдельно и сперва получить согласие, а потом уже сообщать что бы то ни было, просто созвали каждый из своих ближайших приятелей и рассказали им все, что сами знали. Оба были сильно увлечены близкой революцией и огромной организацией, к которой пристали, а всего больше – самим Нечаевым. Увлечение подействовало заразительно: все приглашенные за исключением названного Кузнецовым Прокофьева, согласились вступить в организацию, выслушали правила и получили №№. Завербованные Ивановым назывались: № 21-й, 22-й и т. д., а Кузнецовым: № 31-й, 32-й, т. е. к № организатора прибавлялось по единице. Первоначальному кружку было⁷⁴ объявлено, что он повышается с 1-й степени на 2-ю и становится центром по отношению к вновь образовавшимся кружкам.

Протоколы их заседаний должны сперва доставляться ему, и уже с его замечаниями итти дальше в «Комитет», в первый раз выступивший теперь на сцену в качестве центра, которому кружок обязан безусловным повиновением.

Раз появившись, этот Комитет начал давать себя чувствовать на каждом шагу. Особенно заинтриговало вновь испеченных заговорщиков такое обстоятельство: через 2–3 дня после производства первоначального кружка в центральный Нечаев сообщил его членам, что от Комитета получено предписание произвести расследование: кто из⁷⁵ них нарушает правила организации и пробалтывается о ее делах лицами, к обществу не принадлежащим? Все отреклись⁷⁶ Пункт второй общих правил они, правда, нарушили, но были уверены, что Нечаеву-то, а тем более какому-то Комитету, узнать об этом неоткуда. Нечаев советовал лучше сознаться: у Комитета, мол, масса агентов – от него не скроешься, и, если бы факт не был верен, он не сделал бы предписания. Петровцы не сознавались⁷⁷.

По уходе Нечаева начали строить предположения, что бы это могло значить? Кузнецову и Иванову пришлось даже в голову: уж не Долгов ли, в качестве № 1-го и составителя прото-

---

⁷³ Зачеркнуто: «второй степени»

⁷⁴ Зачеркнуто: «Теперь»

⁷⁵ Зачеркнуто: «Членов»

⁷⁶ Зачеркнуто: «Грешки в этом роде они за собой знали»

⁷⁷ Рипман на суде рассказывал: «Вскоре после того, как мы дали согласие, Нечаев начал запугивать нас, если можно так выразиться, властью и силою комитета, о котором он говорил, что будто он существует и заведует нами. Так один раз Нечаев пришел к вам и сказал, что сделалось комитету известно, что будто кто-то из нас проговорился о существовании тайного общества. Мы не понимали, каким образом это могло случиться. Он сказал: „Вы не надейтесь, что вы можете притворяться и что комитет не узнает истины: у комитета есть полиция, которая очень зорко следит за каждым членом“. При этом он прибавил, что если кто из членов какнибудь проговорится или изменит своему слову и будет поступать вопреки распоряжениям тех, кто стоит выше нашего кружка, то комитет будет мстить за это». («Правительств. Вестник», 1871 г. № 172).

кола, вздумал фискалить на них Нечаеву? Они принялись стыдить его. Но Долгов клялся, что не думал ничего говорить, что он и сам не безгрешен: попробовал привлечь Беляеву, и на ее вопросы рассказал ей все с мельчайшими подробностями, а она потом наотрез отказалась вступить в организацию. Беляева была невестой Лунина⁷⁸ и близкой приятельницей его товарищей. Она намеревалась вместе с ними работать в ассоциации. В это время она жила в Москве и лишь изредка показывалась в академии.

На другой день Нечаев снова уговаривал виновных сделать чистосердечное признание. Он и сам⁷⁹ удивлялся той быстроте, с какой Комитет узнал об их проступках и сделал предположение, что, быть может, тут же в академии распространяется другая ветвь организации и что проболтался кто-нибудь из них именно ее члену, тот сообщил своему центру, а центр донес Комитету. Но члены кружка так и остались при своем запирательстве. Комитет на этот раз оказался, однако, довольно снисходительным. Все наказание ограничилось присылкой Долгову синего бланка⁸⁰ с прописанным на нем строжайшим выговором за нескромность.

Петровцы⁸¹ недоумевали, и только в тюрьме Долгов узнал, что невольной доносчицей на него была Беляева: Нечаев познакомился: с ней в Москве, принял в организацию и запретил сообщать об этом товарищам. Члены должны, мол, знать свою пятерку да ими самими организованные группы и ничего более. Правило это соблюдается очень строго: «Вот Долгов, напр., состоит членом организации, но вам он этого не скажет». Беляева заспорила, что непременно скажет, что они с Долговым такие старые приятели, что он не сможет утаить от нее никакой тайны. А когда Долгов, действительно, рассказал ей все, что знал, она без всякого злого умысла похвасталась Нечаеву не навлекла таким образом на Долгова бланк с выговором.

В другой раз Нечаев явился в академию в офицерском костюме и сообщил в виде объяснения, что он прямо со сходки офицеров, куда иначе нельзя было проникнуть.

В том или ином виде подтверждения существования организации повторялись беспрестанно. В начале октября в академию явился даже ревизор от Комитета. Он предъявил⁸² свои полномочия, выразил желание присутствовать на собрании центрального кружка. Молча просидел весь вечер и уехал, даже не сообщив, остался ли он доволен или будет прислан бланк с выговором. Этот ревизор, положим, ничего общего ни с какими комитетами не имел, а был просто приезжий из Петербурга технолог Лихутин, согласившийся по просьбе Нечаева разыграть комедию, но петровцы этого не знали и начинали все сильнее и сильнее чувствовать себя под сплошным присмотром какого-то таинственного начальства.

VI

Вербовка, между тем, продолжалась. В Петровской академии Нечаев лично никого более не принимал, но каждому завербованному вменялось в обязанность привлечь своих ближайших товарищей, и в каких-нибудь две недели в кружках 2-й и 3-й степени состояло уже человек 40⁸³, т. е. все студенты, находившиеся прямо или косвенно под влиянием кружка Кузнецова и Иванова или, вернее, Лунина, который до появления Нечаева был самым влиятельным его членом.

---

⁷⁸ Зачеркнуто: «Другим почти членом их, студентом»

⁷⁹ Зачеркнуто: «высказывал изумление».

⁸⁰ Зачеркнуто: «С печатью»

⁸¹ Зачеркнуто: «Так и остались в»

⁸² Зачеркнуто: «бланк с печатью»

⁸³ По сообщению А. К. Кузнецова, в течение двух недель в кружки было завербовано до 400 человек. Автобиография А. К. Кузнецова в 5–6 вып. 40 тома Энциклопедического словаря, изд. Гранат стр. 226).

Вернувшись в конце сентября в академию, Лунин тотчас же познакомился с Нечаевым и, поспорив с ним, наотрез отказался вступить в организацию; попытался отвлечь от нее и своих старых друзей, но, потерпев неудачу, бросил академию и уехал в Петербург.

Скоро оказалось, что у всех завербованных ближайшие товарищи тоже состоят в организации и делать становилось нечего. Все были под номерами члены третьестепенных кружков даже под сотыми; собирались⁸⁴ по пятеркам и писали протоколы заседаний. С этими протоколами членам высших кружков была постоянная возня: с них строжайшим образом требовались письменные доклады, а составлять их никому не хотелось, да и писать-то было нечего. Надо при этом помнить, что все они – и высшие, и низшие – жили в нескольких шагах друг от друга и помимо всяких заседаний виделись ежедневно по несколько раз. Самым исправным составителем протоколов, да и вообще самым исправным членом оказался Кузнецов. Нечаеву он подчинился безмерно и изо всех сил старался, чтобы Комитет был им доволен. Кроме вербовки членов и писания протоколов, организации вменялось в обязанность распространять прокламации, и первой была роздана прокламация «Народной Расправы». Длинная, не особенно складная и очень кровожадная, она никому не нравилась и не помогала, а скорее мешала вербовать. Когда об этом замечали Нечаеву, он отвечал, что зато она нравится людям из народа: те, мол, находят ее полезной. Розданы были также прокламации «бакунинская» и «нечаевская», в которых говорилось о петербургском студенческом движении и, наконец, «дворянская», не имевшая для студентов ни малейшего смысла. В ней «Рюриковичи» приглашались сбросить с себя иго вытеснивших их отовсюду немцев, чиновничества и купечества и снова явиться в прежней силе и славе. Приводили также многих в недоумение стихи Огарева «Студент», посвященные молодому другу Нечаеву. Воем, знавшим Павлова, казалось, что он не кто иной, как Нечаев, а в стихотворении, между тем, говорилось, что уже «кончил жизнь он в этом мире, в снежных каторгах Сибири». Вся эта литература рассылалась также по почте и в изобилии представлялась по начальству. Затем организация получила приказание собирать деньги с сочувствующих. И тут также самым деятельным и исправным оказался Кузнецов. Он был сын богатых купцов, и на этом основании ему было предложено делать сборы с купечества. Московских купцов он вовсе не знал, но желание угодить и не обмануть ожиданий было так сильно, что он вносил несколько раз по 200–300 руб. собственных присланных родными денег и записывал их как собранные с купечества.

В половине октября была создана новая, высшая ступень организации – «Отделение». Из кружков Петровской академии сюда были переведены два самых деятельных члена – Кузнецов и Иванов. В числе сотоварищей на своем новом посту они встретили, кроме Успенского и Беляевой, о которой было заявлено, что она переводится Комитетом на другой ветви, двух незнакомых лиц – Прыжова и Николаева. Прыжов был очень странным явлением среди этой юной компании. Человек за сорок лет, автор «Нищих на святой Руси» и «Истории кабаков», страстный исследователь народного быта, он в это время сильно лил и даже трезвый производил на многих впечатление человека больного, с расстроенными нервами. Через Успенского он познакомился с Нечаевым и пришел в восторг, когда тот рассказал ему свою биографию: до 17 лет едва знает грамоту и рисует вывески, а в 19 уж слушает лекции в университете и может цитировать наизусть «Критику чистого разума» Канта⁸⁵. «Сорок лет живу на свете, а такой энергии никогда не встречал!» – восхищался Прыжов и приписывал энергию происхождению Нечаева. «Вот что вырабатывается из детей народа, раз они поставлены в сколько-нибудь благоприятные условия!» – утверждал он.

Прыжова тоже записали в организацию и занумеровали. Нечаев составил даже около него кружок, на заседания которого тот, впрочем, никогда не являлся и никаких отчетов не пред-

⁸⁴ Зачеркнуто: «на заседании»

⁸⁵ Зачеркнуто: «Если бы Прыжов позаботился проэкзаменовать его, то едва ли цитаты были особенно длинны»

ставлял. Едва ли даже он ясно сознавал, что вдруг стал заговорщиком. В уме Нечаева ему была назначена совсем особая роль.

Николаев был тоже существом особого рода. Крестьянский мальчик⁸⁶, кончивший свое образование в сельской школе, он находился под сильным влиянием учителя этой школы, Орлова, и по его просьбе отдал свой паспорт уезжавшему за границу Нечаеву. В тревоге за свою беспаспортность он провел всю весну в путешествиях из Москвы в свое родное Иваново (он был земляк Нечаева) и опять обратно в Москву, дотом летом отправился в Тулу и нанялся там в плотничью артель. В конце сентября он опять пришел в Москву и застал тут Нечаева⁸⁷.

Николаев уже раньше встречался с Нечаевым, слышался о нем от Орлова и теперь отдался ему всей душой. Он стал буквально его рабом, но рабом любящим, преданным, на которого можно положиться, как на себя самого. Повиновался Нечаеву и Кузнецов, повиновались почти все, но с теми требовалось быть всегда настороже и опутывать их целой сетью лжи и хитросплетний. С ним даже хитрить не было надобности: самые, казалось бы, нелепые приказания он свято исполнял, не задавал вопросов и ни на йоту не отступал от инструкций. И Нечаев воспользовался им вполне. Этот наивный мальчик с круглым детским личиком являлся у него поочередно то деятелем из народа, привезшим известие о тульских оружейниках, которых нет никаких сил удержать от восстания, то ревизором, то членом Комитета. Самому Николаеву было строго запрещено пускаться в разговоры, говорил за него Нечаев, он же разыгрывал свои разнообразные роли в строгом молчании, но, благодаря инструкциям, так успешно, что являлся пугалом для многих членов организации.

VII

Отделение⁸⁸ заседало в Москве и начало свою деятельность с выслушания документа, носившего заглавие: «Общие правила сети для отделений». Эти правила были разделены на 12 пунктов. Первые 6 не представляют ничего особенного, но в пункте 7-м говорится: «Все количество лиц, организованных по „Общим правилам“, употребляется как средство или орудие для выполнения предприятий и достижения целей общества. Поэтому во всяком деле, приводимом отделением в исполнение, существенный план этого дела должен быть известен только отделению; приводящие его в исполнение люди отнюдь не должны знать сущность, а только те подробности, те части дела, которые выполнять выпало на их долю. Для возбуждения же энергии необходимо объяснить им сущность дела в превратном виде. (У Кузнецова и Иванова, бывших до этого момента членами кружка, организованного по „Общим правилам“, при чтении последней фразы должна бы мелькнуть мысль, что и им для возбуждения энергии сущность дела объяснялась в превратном виде.) Пункт 8-й. „О плане, задуманном членами отделения, дается знать Комитету и только то согласию оного приступается к выполнению. 9) План, предложенный со стороны Комитета, выполняется немедленно. Для того, чтобы о стороны Комитета не было требований, превышающих силы отделения, устанавливается самая строгая отчетность о состоянии отделения через посредство звеньев, которыми оно связывается с Комитетом“. (Повышение в чине ни к какому расширению прав, оказывается, не привело, а только усилило писание протоколов).

В последнем пункте говорится о необходимости устройства притонов, „знакомство с городскими сплетниками, публичными женщинами, с преступною частью общества и т. д.“, о

---

⁸⁶ Зачеркнуто: «Уже во время суда ему (было) только 19 лет».

⁸⁷ По словам Николаева, он приехал из Тулы в Москву в 20 числах октября 1869 г. Перед этим к нему приезжал из Москвы Прыжов и звал в Москву, говоря, что там «есть дело». («Правительств. Вестник», 1871 г., № 157).

⁸⁸ Перед словом «Отделение» зачеркнуто: «Первое».

„распущении и собрании слухов“, о „влиянии на высокопоставленных лиц через их женщин“. „Этот документ, – прибавляется в конце, – опубликованию не подлежит“.

Тут же будет кстати привести и другой красноречивый документ, тоже не подлежавший опубликованию, – „Правила революционера“. Они были, правда, известны» очень немногим из членов организации, и большинство познакомилось с ними лишь во время следствия, но зато они лучше всего другого, мне кажется, выясняют взгляды и деятельность самого Нечаева. Вот эти правила.

«Революционер – человек обреченный: у него нет ни интересов, ни дел, ни чувств, ни привязанностей, ни собственности, ни даже имени, – все в нем поглощено единым и исключительным интересом, единою мыслью, единою страстью: революцией».

«Он в глубине своего существа, не на словах только, а на деле, разорвал всякую связь, с гражданским порядком и со всем образованным миром, со всеми законами, приличиями, общепринятыми условиями и нравственностью этого мира».

«Революционер презирает всякое доктринерство и отказывается от мирской науки, предоставляя ее будущим поколениям. Он знает одну науку – разрушение. Для этого – и только для этого он изучает механику, физику, химию, пожалуй, медицину. Для этого он изучает денно и нощно живую науку: людей, характеры, положения и все условия настоящего общественного строя во всех возможных слоях».

«Цель же одна: беспощадное разрушение этого поганого строя».

«Он презирает нравственность: нравственно для него все, что, способствует торжеству революции; безнравственно все, что мешает ему.»

«Революционер – человек обреченный, он беспощаден и не должен ждать себе пощады. Он должен приучить себя выдерживать пытки. Суровый для себя, он должен быть суровым, и для других. Все изнеживающие чувства радости, дружбы, любви, благодарности и даже самой чести должны быть задавлены в нем единой холодной страстью революционной. Для него существует одна нега, одно утешение – успех революции. Стремясь неутомимо и этой цели, он должен быть готов и сам погибнуть и губить своими руками все, что мешает ее достижению. Природа настоящего революционера исключает всякий романтизм⁸⁹, всякую чувствительность, восторженность, увлечение. Она исключает даже личную ненависть и мщение. Революционная страсть, став в нем обыденной, ежеминутной, должна в нем соединяться с холодным расчетом...»

«Другом и милым человеком для революционера может быть лишь человек, заявивший себя на деле таким же революционером, как и он. Мера дружбы, любви, преданности определяется полезностью этого человека...»

Далее разбираются отношения революционера к обществу, и в начале повторяются положения из первой части, только перевернутые в таком роде: «Он не революционер, если ему что-нибудь жаль в этом мире...». «Тем хуже для него, если у него есть в нем родственные, дружеские или любовные связи: он не революционер, если они могут остановить его руку» и т. д. Потом идет разделение общества по категориям: к первой принадлежат лица, обреченные на немедленное истребление; им следует вести списки в порядке их вредности. Вторая категория состоит из людей, которым временно даруется жизнь для того, чтобы они успели наделать побольше зла. Людей третьей категории, не отличающихся ни умом, ни энергией, а только богатством и связями, следует эксплуатировать.

Замечательно по своей откровенности определение пятой категории. К ней принадлежат: «доктринеры, конспиранты, революционеры, праздноглаголящие в кружках и на бумаге; их

---

⁸⁹ А не дышат ли самым диким романтизмом сами эти «Правила революционера?» В. З.

надо беспрестанно толкать и тянуть вперед в практические головоломные заявления, результатом которых будет бесследная гибель большинства и настоящая революционная выработка немногих».

К этой-то пятой категории и причислял, вероятно, Нечаев всю увлеченную им молодежь, за исключением, быть может, Николаева. Что он сам был проникнут этими правилами (или они с него списаны?) и действительно ими руководствовался, – не подлежит сомнению⁹⁰, но зато члены его организации почти поголовно составляли более или менее полную противоположность нарисованному в правилах идеалу революционера и подлежали, следовательно, «бесследной гибели». Приводим целиком конец «Правил революционера», представляющий, так сказать, программу действия.

«У товарищества революционеров другой цели нет, кроме полнейшего освобождения и счастья народа, т. е. чернорабочего люда. Но убежденное в том, что это освобождение и достижение этого счастья возможно только путем всесокрушающей народной революции, товарищество всеми силами и средствами будет способствовать развитию тех бед и тех зол, которые должны вывести, наконец, народ из терпения и побудить его к поголовному восстанию. Под народной революцией следует разуметь не регламентированное движение, по западному, классическому образцу, которое, всегда останавливаясь перед собственностью, перед традицией общественного порядка и нравственности, ограничивалось лишь низвержением одной политической формы для замещения ее другой и стремилось создать так называемое революционное государство. Спасительной для народа может быть только та революция, которая уничтожит в корне всякую государственность и истребит все традиции государственного порядка и классы России. Товарищество не намерено навязывать народу какую; бы то ни было организацию сверху».

«Будущая организация, без сомнения, выработается из народного движения и жизни. Но это дело будущих поколений. Наше дело – страшное, полное, беспощадное разрушение. Поэтому сближаться мы должны прежде всего с теми элементами народной жизни, которые со времени основания Московского государства не переставали протестовать, не на словах, а на деле, против всего, что связано с государством: против дворян, чиновников, попов, против гильдейского мира и кулака-мироеда. Мы соединимся с лихим разбойничьим миром, этим истинным и, единственным революционером в России. Сплотить этот мир в одну непобедимую, всесокрушающую силу – вот вся наша организация, конспирация, задача».

Если нарисованный в эти правила «революционер» мог встретиться в жизни лишь в виде редкого болезненного исключения, то заданная ему задача была уж и вовсе невозможна. На практике она должна бы свестись «ближайшим образом к разыскиванию разбойничьего мира», но найти в Москве хоть одного разбойника было, конечно, немислимо. Потому-то, вероятно, в «правилах сети для отделений» «лихой разбойничий мир» заменяется уже более широким термином «преступная часть общества». Это было, конечно, выполнимее: ворами Москва всегда изобиловала, но все же добраться до них было нелегко, и едва ли членам организации удалось бы увидеть хоть одного жулика, если бы не Прыжов.

Для своей «Истории кабаков и России» Прыжов исследовал всевозможные питейные заведения Москвы и знал такие притоны, куда в известные часы дня или ночи собираются жулики, проститутки самого низшего сорта и тому подобный люд, имеющий причины скрываться от полиции. На этом основании сближение с преступной частью общества было отдано в специальное заведывание Прыжова.

---

⁹⁰ Зачеркнуто: «все осталь...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.